

На правах рукописи

САДЫКОВА Марина Александровна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ
КОНЦЕПТОВ «СВЕТ / LIGHT» И «ТЬМА / DARKNESS»
В ТЕКСТАХ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2007

Работа выполнена в ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Михаил Львович Макаров

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Владимир Ильич Карасик

кандидат филологических наук, доцент
Вера Максимовна Широких

Ведущая организация: ГОУВПО «Самарский государственный
университет»

Защита состоится 13 ноября 2007г. в 10:00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, филологический факультет, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан «_____» октября 2007 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Н. И. Чиркова

Диссертация посвящена анализу особенностей представления мифологизированных концептов (далее – МК) «свет / light» и «тьма / darkness» и выявлению степени влияния текстов Священного Писания на формирование данных концептов в русской и англо-американской лингвокультурах.

Поскольку бинарная оппозиция «свет – тьма» попадает в зону рефлексии человека на ранних этапах филогенеза и онтогенеза, мифы о борьбе света и тьмы, о происхождении света, победившего тьму – хаос, представлены у многих народов мира; мифологизированный характер концептов «свет / light» и «тьма / darkness» представляется не вызывающим сомнений.

Расплывчатость и множественность определений отражает сущность феномена мифа. В наивном сознании миф часто воспринимается как некое сказочное повествование, а первой ассоциацией выступают мифы и легенды древнего мира. В настоящей работе мы опираемся на определение мифа в семиотике (Р. Барт, В.В. Иванов, К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман, В.Н.Топоров, А.А. Потебня и др.) как феномена особого коммуникативного (дискурсивного) символического типа мышления, которое базируется не на рациональности, а на *вере* (т.е. принимается без доказательств, на основании внутренней убежденности), и которое постоянно воспроизводится в культуре, апеллируя к массовому сознанию.

Формированием концептуальной сферы человечество во многом обязано информационной структуре текста Священного Писания, в которой содержатся накопленные в течение тысячелетий метафорические переосмысления человеком окружающей его действительности. Учитывая, что «в культурах, исповедующих религии Писания, религиозные потребности выступают как фактор, который не только развивает коммуникативные возможности языка, но и стимулирует и углубляет рефлексии над языком» [Мечковская 2000], мы полагаем чрезвычайно важным любое лингвистическое исследование религиозных текстов, в том числе, выполненное в русле лингвокультурологии. Поскольку в контексте русской и англо-американской лингвокультур христианство является доминирующей религией, к рассмотрению были приняты тексты Библии как первоисточники христианского религиозного дискурса: Синодальная Библия и Библия короля Якова (The Holy Bible in the King James Version) как наиболее распространённые в соответствующих лингвокультурах в настоящее время.

Актуальность работы определяется тем, что данное исследование проводится в русле наиболее востребованного направления лингвистики и социально-гуманитарного знания. В фокусе внимания – «пограничные» темы, требующие интеграции данных языкознания, когнитивной науки, культурологии, философии, семиотики и т.д. Одной из таких тем выступает изучение концептов, направленное на освещение их смыслового потенциала в национальной культуре.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в ней впервые используется и обосновывается понятие «мифологизированный концепт», что существенно развивает лингвокультурную концептологию, учитывая растущий интерес к мифологизированным формам сознания, в частности, в контексте глобализации культур; также раскрывается роль культурного мифа как опорного метасмысла, выступающего в роли *tertium comparationis* в процессах создания совокупности метафор, характерных для той или иной культуры.

Объектом исследования данной работы выступают первичные мифы различных лингвокультур, раскрывающиеся в многообразии рекуррентных коммуникативных практик и прецедентных текстов.

Предметом исследования является дискурсивная реализация МК «свет / light» и «тьма / darkness» в текстах Священного Писания.

Настоящее исследование исходит из **гипотезы** о возможности реконструкции мифа, сформировавшего МК «свет / light» и «тьма / darkness» посредством их экспликации в системах русского и английского языков и дискурс-анализа распространенных в современной коммуникативной практике текстов, в том числе текстов Священного Писания.

Целью исследования является комплексный анализ МК «свет / light» и «тьма / darkness» в русском и английском языках, выполненный в русле лингвокультурологии.

Для решения поставленной цели формулируются следующие **задачи**:

- охарактеризовать природу концепта; выделить основные определения и направления по изучению концептов в современной науке;
- проанализировать семантику слов, фразеологических словосочетаний и паремий в русском и английском языках как языковых средств выражения МК «свет / light» и «тьма / darkness»;
- установить влияние национальных мифологий на становление МК «свет / light» и «тьма / darkness»;
- рассмотреть отражение МК «свет / light» и «тьма / darkness» в текстах Священного Писания; определить степень влияния Библии на формирование МК «свет / light» и «тьма / darkness» в картине мира русской и англо-американской лингвокультур;
- выявить универсальное и национально-культурное в природе МК «свет / light» и «тьма / darkness» в русской и англо-американской лингвокультурах;
- выявить степень значимости МК «свет / light» и «тьма / darkness» в функционировании русского и английского языков (на примере художественных текстов XX и нач. XXI вв.).

Методологическую основу исследования составили труды: по проблемам концептологии таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, С.Г. Воркачев, И.Р. Гальперин, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Д.С. Лихачев, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степа-

нов, В.Н. Телия; работы по вопросам когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии А. Вежбицкой, В.В. Воробьева, В.З. Демьянкова, М. Джонсона, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, В.А. Масловой, Р.М. Фрумкиной, А. Ченки; труды по теории прецедентных феноменов в коммуникации Ю.Н. Караулова, В.В. Красных; работы по лингвистике текста и теории дискурса Р. де Богранда, У. Дресслера, Т. ван Дейка, М.Л. Макарова, М. Фуко; труды А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачева, А.Г. Спирикина по общей философии и философии языка; работы Ю.М. Лотмана, Н.Б. Мечковской, Ю.С. Степанова по семиотике и общей культурологии; работы по проблемам изучения мифологии Р. Барта, А.А. Потебни, А.Ф. Лосева, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, О.М. Фрейденберг, К.Г. Юнга; работы по проблемам изучения Библии А. Вежбицкой, В.Г. Гака, З. Косидовского, М.И. Рижского, Д. Стивера, Дж. Фрезера.

Материалом исследования МК «свет / light» и «тьма / darkness» послужили данные толковых словарей, словарей синонимов, тезауруса; данные, полученные методом сплошной выборки из текстов Священного Писания на русском и английском языках, а также из современных художественных произведений русско– и англоязычных авторов.

Задачи, поставленные в диссертации, определили применение соответствующих **методов и приёмов исследования**: общенаучных методик сопоставления: метод сплошной выборки; сочетание приёмов и процедур анализа, включающих: лексикографический, фразеологический анализ, аксиологический анализ паремий; методы семантической и прагматической интерпретации дискурса.

В ходе исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие положения**:

- В многообразии лингвокультурных концептов выделяется «мифологизированный концепт», отличающийся онтогенетической и генетической связью с определённым типом мышления, которое специфично как для первобытного, так и для некоторых современных уровней сознания, в особенности массового.
- МК «свет / light» и «тьма / darkness» в русской и англо-американской лингвокультурах имеют общие мифологические корни, что подтверждается анализом дискурсивной реализации этих концептов в повседневных и институциональных коммуникативных практиках.
- Метафоризация МК «свет / light» и «тьма / darkness» обладает как универсальными, так и сугубо специфическими свойствами в лексической, фразеологической и паремиологической системах русского и английского языков.
- МК «свет / light» и «тьма / darkness» несут большую смысловую нагрузку в текстах Священного Писания. Через тексты Священного Писания символы, закрепившиеся за МК «свет / light» и «тьма / darkness», получили широкое распространение в прецедентных феноменах данных лингвокультур и стали важным элементом интертекста.

- Отношение метафоры и мифа носит взаимозависимый характер. Культурный миф, определяющий особенности картины мира, предоставляет опорный метасмысл и формирует континуум смыслов, функционирующих в роли *tertium comparationis* в процессе метафоризации. В свою очередь, метафоры света и тьмы являются дискурсивными манифестациями данного мифа, способствуя его реконструкции и эволюции в рамках соответствующих лингвокультур.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нём предложено существенное дополнение к теории лингвокультурного анализа концептов, выявлены и сопоставлены характеристики МК «свет / light» и «тьма / darkness», определены возможности дальнейших исследований МК. Выводы и материал данной работы также релевантны для общей теории метафоры и текстологических исследований Священного Писания.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при подготовке лекционных курсов и семинарских занятий по общему и частному языкознанию, стилистике, интерпретации текста, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, при написании курсовых и дипломных работ, в практике преподавания языка. Материалы исследования могут быть полезны для практической деятельности переводчиков.

Апробация результатов исследования осуществлялась в форме участия во второй Всероссийской научно–практической конференции «Языковые коммуникации в системе социально-культурной деятельности» (г. Самара, 15–16 марта 2007 г.), Всероссийской заочной научно–практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (г. Ульяновск, март 2007 г.), региональной научно–практической конференции «2007 – Год русского языка в Удмуртии» (г. Ижевск, 15 мая 2007 г.), Международной научно–практической конференции «Языковые и культурные контакты различных народов» (МК–59–17) (г. Пенза, 28–29 июня 2007 г.). Материалы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры теории языка и перевода факультета профессионального иностранного языка УдГУ, и нашли отражение в восьми научных публикациях, одна из них в рецензируемом научном издании. Общий объём публикаций составил 2,2 п.л.

Структура работы вытекает из поставленных в ней задач: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка словарей, включающего 24 наименования, списка литературы, включающего 174 наименования (в том числе 12 на английском и немецком языках) и списка источников, включающего 23 наименования.

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту, определяются методы анализа.

В **Главе 1** даётся характеристика понятий «картина мира», «лингвокультурный концепт», «мифологизированный концепт», обосновывается понятие «миф» с точки зрения семиотики культуры, раскрывается семио-

тический характер символа и метафоры, посредством которых формируются МК «свет / light» и «тьма / darkness», устанавливаются роль мифологии и Библии в образовании и функционировании МК «свет / light» и «тьма / darkness» в русской и англо-американской лингвокультурах.

В Главе 2 рассматриваются особенности проявления МК «свет / light» и «тьма / darkness» в лексической, фразеологической и паремиологической системах русского и английского языков, способы представления МК «свет / light» и «тьма / darkness» в текстах Священного Писания, а также особенности представления МК «свет / light» и «тьма / darkness» в художественном дискурсе.

В Заключении излагаются общие результаты работы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Общий объём исследования составляет 159 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1. «Теоретические основания лингвокультурного анализа мифологизированных концептов «свет / light» и «тьма / darkness»».

Раздел 1.1 посвящён раскрытию понятия «картина мира» (далее – КМ). Целесообразность освещения вопроса о КМ обосновывается тем фактом, что концепт выступает её основной составляющей.

Исторически первой принято считать мифопоэтическую КМ, в которой слияние реального (природы и человека) и мифологического предельно, что обусловлено синкретизмом древнего сознания – особой ассоциативно-образной логикой, стремящейся не к аналитическому пониманию мира, но к целостным образам всеобъемлющего характера. Содержательную основу мифопоэтической КМ составляют врождённые первообразы общечеловеческого характера – архетипы, которые в дальнейшем продолжают «удерживать» формирующуюся культуру в зоне психолого-эмоционального воздействия. Архетипы служат базой для образования МК «свет / light» и «тьма / darkness», обеспечивая им универсальность восприятия и кросс-культурное единство, что подтверждается данными мировых мифологий, в том числе древнегерманской и славянской. Мифопоэтическая КМ генетически связана с современной концептуальной КМ.

Концептуальная КМ – глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека [Постовалова 1988], обладающий пластичностью и поливариативностью. Разновидностями современной структурированной концептуальной КМ выступают: языковая КМ, наивная КМ, научная КМ, мифолого-религиозная и религиозная КМ. Языковая КМ является вербализованной частью концептуальной КМ и, в свою очередь, может быть разбита на ценностную КМ, эмотивную КМ, юмористическую КМ и др. Наивная и научная КМ различаются по способу познания действительности: практическому или теоретическому. Наивная КМ вне

зависимости от исторического места и времени её существования вербальна, что иногда затрудняет проведение границ между наивной и языковой КМ. Научная КМ определяется как результат теоретического познания сущностных свойств объекта. Мифолого-религиозная КМ (знания о Боге, человеке, обществе, мире; о принципах нравственной жизни; в религиях, исповедующих спасение, знание о путях спасения каждого отдельного человека для будущей жизни) является одной из семиотик религиозного семиотического континуума. От мифолого-религиозной КМ следует отличать религиозную КМ, представленную определёнными конфессиональными интерпретациями. Религии, в которых Откровение – знание, открытое Богом людям, – мыслится записанным, относят к религиям Писания, например, индуизм, иудаизм, христианство, ислам, и ряд других (в отличие от религий Культа).

В разделе 1.2 речь идёт о природе концепта и основных направлениях его исследования. Центральной категорией лингвокультурологии, исследующей соотношение языка и культуры, проявляющееся в способах языкового выражения этнического менталитета, стал лингвокультурный концепт. МК является разновидностью лингвокультурного концепта. Основываясь на определениях лингвокультурного концепта [Воркачев 2003] и [Слышкин 2004], мы выводим определение **МК** – это **«комплексная ментальная вербализованная единица, включённая в контекст культуры и связанная с определённым типом мышления, которое специфично для первобытного и некоторых уровней сознания, в особенности массового, во все времена»**.

Структура концепта по общему признанию учёных (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов и др.) представляет собой многомерное ментальное образование, в котором выделяются несколько качественно отличных составляющих, как то: образная, понятийная и ценностная. Ценностная составляющая концепта предоставляет возможность рассматривать разноплановые категории, включая предельные концепты, каковыми мы и полагаем МК «свет / light» и «тьма / darkness». Согласно классификации концептов с точки зрения динамики развития Г.Г. Слышкина [2004], МК «свет / light» и «тьма / darkness» относятся к сформировавшимся концептам, поскольку новых обозначений они не получают, но продолжают служить источником вторичной номинации. Подобные концепты являются своего рода строительным материалом для обогащения других концептов.

Лингвокультурные концепты, в число которых попадают весьма разнородные по своему семантическому составу единицы, требуют при межъязыковом сопоставлении различных исследовательских подходов. Исследование концептов ведётся, в основном, в русле когнитивной и лингвокультурной концептологии. Различия в подходах к концепту этих отраслей науки в достаточной степени условны: развиваясь параллельно, они взаимодополняют друг друга. Так, лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивиду-

ального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию [Карасик 2004].

В разделе 1.3 рассматривается роль образа, символа и метафоры в семиозисе концепта. Семиотический (или символический) фактор развития культуры и, соответственно, её концептов признаётся в качестве базисного многими исследователями [Кассирер 1996; Лотман 1996; Мечковская 2004; Сепир 1993 и др.]. Воплощая концепт в слове, образная составляющая в ходе становления концепта может «сублимироваться» до символа. Особенность символов в том, что это древнейшие ассоциативные модели мышления, закреплённые традицией той или иной культуры в разных семиотиках. Символы могут быть подразделены на словесные и несловесные. Важным элементом духа языка является степень его символичности и характер используемых символов, а также функциональная роль символов в отражении национально-культурной специфики [Леонтович 2002]. Основой словесных символов является дескриптивная (апеллирующая к сенсорике) лексика [Москвин 2006]. Архетипические символы несут одно и то же, или очень сходное значение для большей части человечества [Уилрайт 1990]. Так, **свет** символизирует **бессмертие/ вечность/ рай/ чистоту/ добро/ знание/ радость/ надежду**, а символы тьмы имеют противоречивый характер: при сопоставлении со светом **тьма** выступает символом **смерти/ греха/ зла/ невежества/ бесперспективности**, т.е. имеет негативное значение; одновременно, **тьма** считается таким же необходимым элементом мироздания, как и свет, символизируя **материнское лоно** (= землю), дающее новую жизнь.

Раздел 1.4 посвящен рассмотрению роли метафоризации и мифологизации в становлении базовых предельных МК символического плана. Во второй половине XX в. становится очевидным, что мифологические и религиозные представления понимаются и интерпретируются через призму языка. Поскольку символ является статичной структурой, существующей лишь в сознании человека, метафора бесконечно варьирует семантику компонентов символа, порождая новые ассоциации и, таким образом, реализуя символ в поэтическом тексте.

Термин «метафоризация» является многозначным, определяющим явления различной природы. С одной стороны, метафора – это стилистическое средство, которое традиционно трактуется как выразительное перенаименование на основе схожести двух объектов: реального объекта и того, чье название используется для перенаименования, но связь между этими объектами отсутствует. С другой стороны, метафора выступает инструментом познания и мышления на всех уровнях умственной деятельности и в различных сферах профессионально-общественных интересов человека, являясь наиболее мощным средством формирования новых концептов.

В языковом пространстве МК «свет / light» и «тьма / darkness» могут реализовываться в виде: а) *номинативной метафоры*, нуждающейся в опоре на контекст, эксплицирующий её предметную отнесенность, поясняющий референцию имени; метафора этого типа является источником

омонимии, что имеет место и в нашем случае (омонимичны русские существительные «свет» и «тьма»), английское прилагательное «light» и глагол «to lighten»); б) *образной метафоры*, апеллирующей к интуиции и претендующей на эвристическую ценность; в) *предикативной метафоры*, направленной на достижение гносеологических целей и формирующей недостающие языку значения [Арутюнова 1999]. Атрибуты «светлый» и «тёмный» могут быть отнесены к личности в целом (*светлый человек, тёмная личность*), к отдельному её аспекту (*светлая голова*), к результатам духовной деятельности (*светлая / блестящая мысль*), к выявлению личности (*блестящий ученый*). Оценочные и интенсифицирующие прилагательные указывают на некоторое качество или аспект (*светлая радость / печаль / любовь / память; чёрная зависть / неблагодарность*); в словосочетании «свет знания» слово «свет» раскрывает абстрактное понятие знания, придавая ему положительную коннотацию. В английском языке знание также структурировано при помощи МК «light» в метафоре “Understanding is Seeing (*I see what you mean*); Ideas are Light-Sources (*That was a brilliant remark*); Discourse is a Light-Medium (*It was a murky discussion*)” [Лакофф, Джонсон 2004].

МК «свет / light» и «тьма / darkness» основаны на культурном мифе, который получает выражение на языке метафоры. Отношение метафоры и мифа носит взаимозависимый характер, что взаимообусловлено их информационной сопряженностью, функциональной предназначенностью и способами интерпретирования в парадигме языковой культуры. Дискурсивные практики предоставляют достаточное количество метафор света и тьмы, в которых реконструируется миф, где свет является благом, а тьма ассоциируется, как минимум, с чем-то неприятным, а как максимум, со злом. Этот культурный миф, легший в основу предельных универсальных МК «свет / light» и «тьма / darkness», предоставляет опорный метасмысл и формирует континуум смыслов, функционирующих в роли *tertium comparationis* - «эталоны сравнения» (термин использован для лингвокультурологического анализа [Воркачев 2003]), обеспечивающего возможность сопоставительного изучения объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определенность. Корни этого мифа уходят в тотемическое прошлое, где первая образно-ассоциативная связь, которую вызвала оппозиция «свет – тьма» у людей – это противопоставление таких базовых понятий, как «жизнь» и «смерть». Отражение этого образно-ассоциативного ореола можно проследить на примере истории становления зрительных представлений в Греции архаического периода (как известно, культура Древней Эллады оказала значительное влияние на формирование всех западных культур), связанных с семантикой сияния и помрачения, где блестящая вещь изображала долю жизни или смерти [Фрейдберг 1998]. Мифологизация особенностей восприятия света и тьмы человеком, источников света, его ипостаси – огня, реликтовые представления об устройстве глаза также сыграли свою роль в формировании и функционировании МК «свет / light» и «тьма / darkness».

Глава 2. «Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет / light» и «тьма / darkness»».

Раздел 2.1 рассматривает представление МК «свет / light» и «тьма / darkness» в системах русского и английского языков.

МК «свет / light» и «тьма / darkness» не могли не найти отражения в семантическом пространстве языка русской и англо-американской концептосфер в силу своей универсальной природы. Однако необходимо помнить, что содержание МК «свет / light» и «тьма / darkness» объемнее одноименных «поверхностных» языковых сущностей, и слова «свет», «тьма», «light», «dark», «darkness» представляют собой лишь средства сжатия (компрессии) обобщенной, закреплённой через сочетание признаков, информации. Следовательно, признак выступает как исходный строительный материал, без которого не могут обойтись различные формы репрезентации значения. Для лингвокультурного исследования интерес представляют и признак, ставший опорным для наименования концепта, и концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как ассоциативные семы).

Предметно-понятийное значение МК «свет / light» и «тьма / darkness» складывается из мыслительного отображения самого явления «видимого излучения» или «отсутствия видимого излучения», а также свойств и действий этих явлений. В качестве основных средств выражения предметно-понятийного значения концептов были рассмотрены знаменательные части речи, образованные от корня «свет-», «тьма», «темн-», «light», «dark-» с общей семой «видимое излучение» и «отсутствие видимого излучения». В основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер мышления, что способствует переосмыслению значения, а совокупность производных, вторичных значений слов, оязыковляющих концепт, представляет образное значение концепта.

Семы предметно-понятийного значения, формирующие основное значение слов – средств выражения МК «свет / light» в русском и английском языках («видимое излучение», «источник видимого излучения», «выделяющий видимое излучение», «наполненный видимым излучением», «утреннее/ дневное суток», «появление первого видимого излучения», «качество видимого излучения», «основной тон цвета», «степень насыщенности основного тона цвета»), а также производные значения, образованные потенциальными семами («знание/ просвещение», «(уважаемый) человек, владеющий знаниями», «радость», «надежда на лучшее», «относящийся к празднику Пасхи у христиан», «(ласковое) обращение к кому-либо»), совпадают и свидетельствуют об *универсальном характере* МК «свет / light» в русской и англо-американской лингвокультурах.

МК «свет» в русской лингвокультуре дополняется семантическими признаками: «привлекательность, заманчивость», «благородный», «ясный, логичный», «чистый, прозрачный», «высокий, чистого тембра». МК «light» в англо-американской лингвокультуре дополняется семантическими при-

знаками: «интеллектуальные и другие способности человека», «точка зрения», «божественное знание». Разные дополнительные семантические признаки показывают *несовпадение объёма и национально-культурную специфику* МК «свет» в русской и МК «light» в англо-американской лингвокультурах. В целом, МК «свет / light» формируется интегральным признаком «ценность» и маркирован дифференциальным признаком «положительность», который актуализируется в переносных значениях слов – средствах выражения МК «свет / light».

Семы предметно-понятийного значения, формирующие основное значение слов – средств выражения МК «тьма / darkness» в русском и английском языках («отсутствие видимого излучения», «лишенный видимого излучения», «основной тон цвета», «ночное время суток»), а также производные значения, образованные потенциальными семами («непонятность», «неизвестность/ отсутствие знания», «вызывающий недоверие, подозрительный», «таинственность», «зло/ злонамеренный»), совпадают и свидетельствуют об *универсальном характере* МК «тьма / darkness» в русской и англо-американской лингвокультурах.

МК «тьма» в русской лингвокультуре дополняется семантическими признаками: «неудовлетворительное физическое и/ или психологическое состояние человека», «невежественность», «трудный для понимания», «неотчетливый, приглушенный», «захолустный, глухой». МК «darkness» в англо-американской лингвокультуре дополняется семантическими признаками: «трагичность», «безрадостность», «депрессивность». Разные семантические характеристики показывают *несовпадение объёма и национально-культурную специфику* МК «тьма» в русской и МК «darkness» в англо-американской лингвокультурах. В целом, МК «тьма / darkness» маркирован дифференциальным признаком «отрицательность», который актуализируется в переносных значениях слов – средствах выражения МК «тьма / darkness». Лексикографический анализ показал, что МК «свет / light» и «тьма / darkness» несут аксиологические оценки «добро» и «зло», что обусловлено их мифолого-религиозной природой.

Актуализация аксиологически ценностного признака происходит на всех уровнях языка, поскольку концепт «рассеян» не только в содержании лексических единиц, но и в корпусе фразеологии и паремиологическом фонде. Присутствие в структуре этих устойчивых выражений символической составляющей повышает их культурную значимость.

МК «свет / light» и «тьма / darkness» широко представлены во фразеологической системе русского и английского языков. Наличие межъязыковых эквивалентных фразеологических соответствий подтверждает *универсальный характер* осмысления действительности в сознании русско- и англоговорящих (*give smb. a green light* – *дать зелёную улицу*; *the light of smb's eyes* – *свет жизни чьей*; *свет померк в глазах* - *the light went out in <of> X's life*; *a dark horse* – *тёмная лошадка*; *grope in the dark* – *блуждать в потёмках* и др.).

ФЕ, не представленные фразеологическими соответствиями в другом языке, *национально и культурно специфичны*. Национально-культурная специфика русских фразеологизмов основывается на особенностях: 1) акцентуации национальным сознанием того или иного семантического признака по сравнению с другим национальным менталитетом (например, *светлая голова*; что не светит кому); 2) являются авторскими ФЕ (например, *власть тьмы*). Национально-культурная специфика английских фразеологизмов основывается на особенностях: 1) отражения информации, относящейся к мифологическим представлениям нации (например, *beat (knock, whale) the (living) daylight(s) out of smb; put out smb. 's light*); 2) акцентуации национальным сознанием того или иного семантического признака по сравнению с другим национальным менталитетом (например, *be in the dark (about); white light*); 3) отражения исторической информации (например, *Dark Ages*); 4) отражения уникальной реальности (например, *ancient lights*); 5) являются авторскими ФЕ (например, *a leap (shot) in the dark*).

Малые фольклорные метафорические жанры (поговорки, пословицы, прибаутки, загадки и т.д.) выступают текстовыми аналогами «коллективных представлений» о мире (по Л. Леви-Брюлю), присущих данной лингвокультурной общности и передающихся из поколения в поколение в виде архетипов, мифов, символов, эталонов и стереотипов поведения, в том числе и речевых. Они являются достоянием всего общества, поскольку автор этих произведений – коллективная языковая личность, фольклорный социум. В паремиологическом фонде русского и английского языков аксиологическая оценка МК «свет / light» и «тьма / darkness» может быть: 1) выражена как эксплицитно, так и имплицитно, противопоставляя этические категории добра и зла, или периоды трудностей (тьмы) надежде (свету) (например, *Тьма света не любит, злой доброго не терпит; Works of darkness hate the light*); 2) минимальна, если свет или тьма отступают на периферию высказывания (например, *Ты не алмаз, сквозь тебя не светит; All cats are grey in the dark*); 3) если свет и тьма рассматриваются как диалектическое единство и предполагают друг друга, паремия не несёт положительной или отрицательной оценки (например, *Не отлагает свет заутрени, ни тьма вечерни; Every white has its black*). Аксиологический анализ паремий продемонстрировал совпадение иерархии ценностей русского и английского языков в отношении МК «свет / light» и «тьма / darkness».

В разделе 2.2 рассматривается представление МК «свет / light» и «тьма / darkness» в религиозном дискурсе. Дискурс – закрепленный в языке и коммуникативной практике способ упорядочивания социальной действительности. В дискурсивной парадигме может быть изучен и такой древний текст, как Библия.

Язык Библии и вообще религии символичен и метафоричен, поскольку невозможно судить об Абсолюте вне обращения к индивидуальному и культурному опыту. Метафора как средство вторичной номинации является одним из самых частотных стилистических средств в Библии.

Речь об оппозиции «свет – тьма» ведется с первых строк первой книги Ветхого Завета: в начале творения «*тьма <была> над бездною*» [Бт 1: 2]. Свет был отделён Богом от тьмы в первый же день, получил Его одобрение и стал божественной субстанцией: «*And God said, Let there be light: and there was light. And God saw the light, and it was good: and God divided the light from the darkness*» [Gen 1: 3–4] – «*И сказал Бог: «Да будет свет». И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы*» [Бт 1: 3–4]. Между божественным светом и более эфемерным светом солнца, луны и звёзд проходит четкая граница: небесные светила были сотворены только в день четвёртый [Бт 1: 14–19].

В библейских текстах оба интересующих нас МК являются гносеологическими категориями. Бог являет Себя миру в образе света. Через свет он может быть чувственно воспринят, т.е. познан. Свет является синонимом Бога не только в иудейской и христианской религиях: так, Гаутама Будда – Свет Азии, Кришна – Повелитель света, Аллах – Свет неба и земли [Тресиддер 1999]. В Новом, так же, как и в Ветхом Завете, Бог отождествляется со светом. Через свет предстает зримое проявление божественности Христа в момент Преображения на горе Фавор: «*And was transfigured before them: and his face did shine as the sun, and his raiment was white as the light*» [Mt 17: 2] – «*и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет*» [Мф 17: 2]. Так называемый «фаворский свет» лёг в основу видения Божественного Света в глубине собственного сердца – исихазма (в православном мировоззрении и вероучении «исихазм» от греч. ἡσυχία – покой, безмолвие), идеи которого оказали огромное влияние на духовную жизнь Русской православной церкви. В ходе повествования МК «свет / light» в качестве референции к Богу и Богочеловеку не изменяется. Так, в Ветхом Завете: «*The Lord is my light and my salvation; whom shall I fear? The Lord is the strength of my life; whom shall I be afraid?*» [Ps 27: 1] – «*Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться?*» [Пс 26: 1], – и в Новом Завете: «*This then is the message which we have heard of him, and declare unto you, that God is light, and in him is no darkness at all*» [1 Jn 1: 5] – «*И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: «Бог есть свет и нет в нём никакой тьмы»* [1 Ин 1: 5]. Однако, в Ветхом Завете оба первоэлемента – и свет, и тьма – могут сопровождать явление Бога. Они хотя и противопоставлены друг другу, но их единство очевидно, они не существуют отдельно друг от друга: «*And the people stood afar off, and Moses drew near unto the thick darkness where God was*» [Ex 20: 21] – «*И стоял весь народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог*» [Исх 20: 21]. Таким образом, более отдалённый по времени создания Ветхий Завет демонстрирует большее единение всего сущего в природе.

В Новом Завете номинация светом говорит о божественной сущности Бога, Его всемогуществе, вечности: «*In him was life; and the life was the light of men. And the light shineth in darkness; and the darkness comprehended it not*» [Jn 1: 4–5] – «*В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И*

свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [Ин 1: 4–5]. В метафорической номинации Иисуса Христа светом участвуют номинации предложением и сверхфразовым единством. Сам Иисус Христос часто дает определения Сына Божьего с помощью синтаксических номинаций с бытийной предикативной связью, необходимой не только для номинирования ситуации, но и для метафорического сопоставления субъекта предложения и дополнений. Контекст следующего предложения помогает в разгадывании метафоры: «*Then spake Jesus again unto them, saying, I am the light of the world: he that followeth me shall not walk in darkness, but shall have the light of life*» [Ин 8: 12] – «*Опять говорил Иисус [к народу] и сказал им: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»*» [Ин 8: 12]. Так, в Евангелии от Иоанна прослеживается образование нового значения МК «свет / light», а именно духовного спасения через веру и вечной жизни для своей души.

Метафоры света и тьмы присутствуют также во фразеологических единицах библейского происхождения. В языках христианских народов корпус библеизмов, как правило, в существенной мере совпадает по своей внутренней форме, образному стержню, различаясь иногда лексической оболочкой (*свет во тьме – light shining in the darkness; тьма египетская – Egyptian darkness*). Отличия между современным состоянием библеизмов в русском и английском языках обусловлены как языковыми, так и экстралингвистическими факторами. Среди первых – национально-языковое своеобразие и развитие русского и английского языков. Английские библеизмы отличаются буквальностью, относительной точностью цитирования источника (*the light of one's countenance; greater / lesser lights; cast into outer darkness*). В русском языке ряд ФЕ библейского происхождения претерпели изменения, например, усечение, сужение (*светило – ср. greater / lesser light*), наблюдается различная трактовка библеизмов (*зарывать талант в землю*). К экстралингвистическим относятся отличия, обусловленные временем и историческими национально-культурными событиями, в том числе, гонениями на церковь в советский период, повлекшими разрыв с религиозными традициями, знанием текста Священного Писания.

В христианских представлениях о рае как «светлом» конечном пристанище человеческого существования вечный свет – награда добродетельным верующим. Так, в новозаветном Небесном Иерусалиме материалы, из которых выстроен город, светоносны; они уподобляются то «чистому золоту» и «прозрачному стеклу», то 12 самоцветам из нагрудного украшения, которое должен был носить древнееврейский священник, то жемчугу, символизирующему духовный свет. Город осиян «славой Божией» и освещен реальным присутствием Бога [Ап 21: 2–23]. Другая ипостась света – огонь – выступает наиболее устойчивой характеристикой ада как в русской, так и англо-американской христианской лингвокультурах (*геенна огненная; blazes*). Состояние пребывающего в аде, где «*тьма внешняя*», описывается изнутри, как боль: там «*плачь и скрежет зубов*» [Мф 8: 12].

Исследование показало, что МК «свет / light» и «тьма / darkness» несут большую смысловую нагрузку в текстах Священного Писания, которые окончательно сформировали характер данных МК, зародившийся в древних мифологических представлениях. *Tertium comparationis* предельных универсальных МК «свет / light» и «тьма / darkness» обеспечивает во многом их одинаковое восприятие в русской и англо-американской лингвокультурных практиках.

Раздел 2.3 представляет МК «свет / light» и «тьма / darkness» в современном художественном дискурсе.

Историческое изучение мифологий мира обнаруживает поразительное сходство их сюжетов. Так, большая часть космогонических мифов повествует о рождении земли, мира из первоначального хаоса – небытия. Подобного рода примеры можно встретить и в художественных произведениях: «Возможно, что сама его медицинская профессия, постоянное, почти ставшее бытовым, прикосновение к огненной молнии – острой минуте рождения человеческого существа из кровоточащего рва, из утробной тьмы небытия, – и его деловое участие в этой природной драме отражались на его внешнем и внутреннем облике, на всех его суждениях» [Улицкая «Казус Кукоцкого»].

В примере из романа А. Мёрдок метафорическое «darkness» характеризует состояние человека, пытающегося осознать происходящее, придать форму своим мыслям, блуждающим в неосознаваемой темноте: «*There was too much to think about. I just sat quietly and let things take shape deeply within me. I could just sense the great forms moving in the darkness, beneath the level of my attention and without my aid, until gradually I began to see where I was*» [Murdoch «Under the Net»].

Метафора тьмы передает удрученное психологическое состояние: «Я пишу всё это, потому что не знаю иного способа передать своё знание ещё хоть кому-нибудь, пишу плохо, «темно и вяло», пишу сумбурно, ибо многое спуталось в моей бедной памяти, поражённой увиденным» [Стругацкие «Отягощенные злом»], – а в рассказе Э. Хемингуэя «Там, где чисто и светло» свет выступает местом спасения от тьмы безнадежности и безверия: герои рассказа стремятся из мрака ночи в ярко освещенное кафе, стремясь забыть о черной бессмысленности жизни [Hemingway «A Clean, Well-Lighted Place»].

Большое количество образцов мировой культуры и литературы представляет собой иллюстративно-реминисцентные явления, ориентированные на знание библейских сюжетов. Интертекстуальность библейских сюжетов видится нам одной из причин сохранения значения библейских символов и их адекватного понимания читателями на протяжении длительного времени. Символы света и тьмы остаются самодостаточными и неизменными, существуя внутри устойчивой системы знаков и составляя часть кода христианской культуры. В ходе исследования были проанализированы примеры, показавшие преемственность от текстов Священного Писания образов и метафор, создаваемых на основе МК «свет / light» и «тьма / darkness».

Приведем пример реверсивной интертекстуальности на основе евангельских сюжетов о воскрешении Христом мертвых: «*Wherefore he saith, awake thou that sleepest, and arise from the dead, and Christ shall give thee light*» [Eph 5: 14]. – «*Посему сказано: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос»* [Еф 5: 14]. Писатель С. Кинг изображает смерть при помощи метафоры «тёмного облачка»: «тёмное» проникает в мышь, а заключенный Джон Коффи «высасывает» её из животного, выпуская после этого в воздух: «*Coffey made that choking, gagging sound again, then turned his head to one side like a man that has coughed up a wad of phlegm and means to spit it out. Instead, he exhaled a cloud of black insects – I think they were insects ... – from his mouth and nose. They boiled around him in a dark cloud that temporarily obscured his features*» [King «The Green Mile»].

В словах: «*Truly the light is sweet, and a pleasant thing it is for eyes to behold the sun*» [Eccles 11: 7] – «*Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце*» [Еккл 11: 7], – проходит смысловая параллель между жизнью, светом и солнцем, где свет является символом святости и чистоты. В примере: «*As I looked at her, her face seemed suddenly radiant like a saint's face in a picture, and all the thousands of surrounding faces were darkened*» [Murdoch «Under the Net»] – метафора света раскрывается путём сравнения того, каким показалось герою романа лицо любимой девушки, с ликами святых, с сопутствующим их изображению (на холсте или в воображении) образом света; при этом герою романа кажется, что свет, исходящий лучами от лица, настолько сильный, что все остальные лица рядом с ним меркнут.

Свет и тьма извечно противостоят друг другу и, одновременно, уравновешивают и дополняют друг друга, образуя целое. Нижеприведённый пример «суммирует» все значения, включенные в МК «свет / light» и «тьма / darkness»: «*He held that science and religion were not enemies, but rather allies – two different languages telling the same story, a story of symmetry and balance ... heaven and hell, night and day, hot and cold, God and Satan. Both science and religion rejoiced in God's symmetry ... the endless contest of light and dark*» [Brown «Angels and Demons»].

Мифологизация и метафоризация МК «свет / light» и «тьма / darkness» в дохристианский период, окончательное формирование символики концептов в христианстве и последующая их культурная релевантность для «продвинутых» к нам во времени КМ объясняется как витальной, так и, впоследствии, психолого-моральной ценностью светового феномена для жизни человека. Дискурс-анализ художественных текстов позволил определить линии универсального восприятия данных МК в русской и англо-американской лингвокультурах, выраженных посредством метафоры.

В данной работе предпринята попытка подчеркнуть важность исследования первичных мифов разных лингвокультур, поскольку в их основе лежат представления человека о важных для него понятиях: жизни и смерти, добре и зле, радости и горе, надежде и отчаянии. Деконструкция МК как частных вариантов реализации мифа позволила определить суще-

ностные характеристики концептов, выявить сходство и различия в лингвистической объективации феноменов света и тьмы в сопоставляемых лингвокультурах.

Основные положения диссертации отражены в:

а) публикации в рецензируемом научном издании:

1. Садыкова М. А. Представление концептов «свет / light» и «тьма / darkness» в паремиологической системе русского и английского языков / М. А. Садыкова // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск : Помор. гос. ун–т им. М. В. Ломоносова, 2007. – Вып. 5. – С. 148–150.

б) в других публикациях:

2. Садыкова М. А. Концепты «свет / light» и «тьма / darkness» в тексте Библии / М. А. Садыкова // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск : Удмурт. ун–т, 2007. – Вып. 5 : Филологические науки, ч. 2. – С. 171–174.

3. Садыкова М. А. Некоторые аспекты метафоризации концептов «свет» и «тьма» (на материале английского языка) / М. А. Садыкова // Вестник педагогического опыта. – Глазов : Глазов. гос. пед. ин–т, 2007. – Вып. 27. – С. 35–37.

4. Садыкова М. А. Сопоставление понятий «картина мира» и «модель мира»: архетип – миф – религия – наука / М. А. Садыкова // Современные проблемы науки и образования. – М. : Академия естествознания, 2007. – № 3. – С. 118–121.

5. Садыкова М. А. Языковая картина мира: метафора и мифология / М. А. Садыкова, В. В. Киселёва // 2007 – Год русского языка в Удмуртии : материалы регион. науч.–практ. конф. – Ижевск : Удмурт. ун–т, 2007. – С. 112–115.

6. Садыкова М. А. Оппозиция «свет – тьма» с точки зрения лингвистической концептологии / М. А. Садыкова // Языковые коммуникации в системе социально-культурной деятельности : материалы второй Всерос. науч.–практ. конф. – Самара : Самар. гос. академия культуры и кинематографии, 2007. – С. 95–98.

7. Садыкова М. А. Представление концептов «свет» и «тьма» в русской и английской языковых картинах мира / М. А. Садыкова // Язык. Культура. Коммуникация : материалы Всерос. заоч. науч.–практ. конф. – Ульяновск : Ульянов. гос. ун–т, 2007. – С. 204–208.

8. Садыкова М. А. Представление концептов «свет / light» и «тьма / darkness» во фразеологической системе русского и английского языков / М. А. Садыкова // Языковые и культурные контакты различных народов : материалы Междунар. науч.–практ. конф. (МК–59–17). – Пенза : Приволж. дом знаний, 2007. – С. 267–269.